

⁶ Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Исторический обзор // Азгагракан хандес Тифлис, 1903 (на арм. яз.). Первод на русский язык Ш. М. Шагиняна. С. 118. Рукопись переводится у его вдовы Шагинян О. М. в с. Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской обл. (эта и последующие сноски сделаны по рукописи).

⁷ 210 лет в единой семье. С. 8.

⁸ Сармакешян Г. У самого Тихого Дона. Жизнь диаспоры // Коммунист (Ереван), 1990. 23 мая

⁹ Халпахчьян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван, 1988. С. 10.

¹⁰ Сармакешян Г. Указ. раб.

¹¹ Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских Советов сел Чалтырь, Крым, Большие Салы, Несветай, Султан Салы, Красный Крым.

¹² Рассчитано по данным Госкомстата г. Ростова. Процент вычислен автором.

¹³ Рассчитано по тем же данным. Процент вычислен автором.

¹⁴ Халпахчьян О. Х. Указ. раб. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 79.

¹⁶ Шахазиз Е. Указ. раб. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 125.

¹⁸ Здесь и далее данные по Армении см.: Тер-Саркисянц А. Е. Армяне // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 410—413.

¹⁹ Шахазиз Е. Указ. раб. С. 123.

²⁰ Там же. С. 71.

²¹ Там же. С. 80—81.

²² См., например: Эхо Баку // Комсомольская правда. 1990. 13 февраля; Разум или безумие? // Сов. культура. 1990. 17 февраля.

²³ См., например: Новая опасность для атомных станций // Известия, 1990. 10 августа.

© 1991 г., СЭ, № 3

Б. П. Полевой

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПОХОД НА ТИХИЙ ОКЕАН В 1639—1641 гг. В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В 1989 г. во Владивостоке (15 сентября), в Южно-Сахалинске (17—18 октября), в пос. Кутана Алданского р-на ЯАССР (1 ноября) и в Ленинграде (20 ноября) были проведены юбилейные заседания, посвященные 350-летию первого выхода русских на Тихий океан, открытия русскими земель и малых народов Дальнего Востока, начала русского тихоокеанского мореходства. Все эти события связаны с историческим походом Ивана Юрьева Москвитина, в котором участвовало 20 томичей и 11 красноярцев. Именно во время этого похода русские в первый раз познакомились с образом жизни охотских эвенков и эвенков, и тогда же впервые стали известны нашим землепроходцам нивхи («сидячие гилыки»), нанайцы («натки», «онатырки» и т. д.) и даже сахалинские айны («бородатые»).

К сожалению, история похода И. Ю. Москвитина (1639—1641 гг.) до сих пор нередко освещается в печати с большими ошибками. Это происходит потому, что авторы статей в местных изданиях некритически повторяют то, что они смогли извлечь из книг известного популяризатора истории географических открытий А. А. Алексеева, который сам лично изучением архивных документов XVII в. не занимался и имеет довольно своеобразное представление об этнической истории отечественного Дальнего Востока. Поэтому настоящая статья ставит своей задачей, во-первых, на основе историко-этнографических данных существенно уточнить историю похода И. Ю. Москвитина, а во-вторых, опровергнуть ряд ложных версий, которые до сих пор повторяются в нашей печати.

Ранней весной 1638 г., после зимовки на Алдане в устье р. Томпо («Томки», по словам томичей), большой отряд томского атамана Дмитрия Копылова начал подниматься вверх по Алдану в надежде найти «новые неясашные народы». В низовьях р. Майи казаки наткнулись на группу эвенов, прикочевавших туда «из-за камня с Ламы»¹, т. е. из-за хребта Джугджур с Охотского моря (тунгусское *лама* означает «море»). Это была самая первая встреча русских с аборигенами Охотского побережья². Поскольку эвены, взятые русскими в *аманаты* (заложники), говорили, что они пришли с «ламы», то русские и стали их именовать «ламунками», «ламутками» и наконец просто «ламутами». Тогда-то от эвенов Охотского моря русские узнали о самом удобном пути «на большое море-окиян»³. Но так как в тот период казаки стремились подчинить себе тунгусов еще и ближайших районов, то Копылов предпочел продолжить свое продвижение вверх по Алдану. Вскоре казаки достигли земель эвенкийского рода *бута* (множ. число: *бутал*) и там 28 июля 1638 г. основали новое свое поселение — Бутальский острожек⁴.

В Центральном гос. архиве древних актов мне удалось найти документ, в котором указывалось, что Бутальский острожек был основан «на устье Янды реки»⁵. Поскольку на общедоступных картах такая река отсутствовала, весной 1989 г. я попросил В. Я. Сальникова (г. Орел) — руководителя туристической группы, решившей обследовать путь И. Ю. Москвитина, попытаться на месте разыскать р. Янду. Благодаря опросу аборигенов Сальникову удалось установить, что «река Янда» (на картах — «Джанда») впадает в Алдан у пос. Кутана. Так, только в 1989 г. было установлено подлинное местоположение исторического Бутальского острожка, из которого в мае 1639 г. был начат исторический поход И. Ю. Москвитина к берегам Тихого океана.

По-новому теперь трактуется и главная причина самой организации похода И. Ю. Москвитина.

В августе 1638 г. в Бутальском острожке русские впервые услышали от эвенкийского шамана Томкони (из рода лалагиров) о существовании на дальнем юге, за хребтом, большой богатой реки «Чиркол»⁶. Очевидно, здесь шла речь о р. Амур: еще Л. И. Шренк отмечал, что в старину Амур вместе с Шилкой часто называли «Ширкор, Шилкир и иногда и Силкар, Сиркал»⁷. Томкони сообщил русским: «Есть де блиско моря река Чиркол, а на той реке Чирколе гора, а в ней серебряная руда, а окол тое руды живут в орде сиделья многие люди, а живут домами своими, устроены двory, а городов у них никаких нет и иных крепостей нет же, а ис той руды плавят серебро. А у тех сидельх людей во всех деревнях устроены пашины и лошадей и всякой животины много»⁸. Это же подтвердил и эвенок Гуликан. Так до русских дошли самые первые известия об Амуре⁹. И, естественно, они живо заинтересовали Дмитрия Копылова. В те времена Россия остро нуждалась в серебре, а в Ленском крае ощущалась большая нехватка зерна. Отсутствие же военных укреплений на «Чирколе» позволяло надеяться на относительно легкое занятие этого района. Поэтому Копылов и решил от себя послать отряд во главе с бывалым томским казаком И. Ю. Москвитиним провезать серебряную руду на Чирколе. Поскольку эвенки утверждали, что гора расположена «блиско моря», Копылов был убежден, что москвитинцам следует туда идти на морских судах. Так и возникла идея посылки на «море-окиян» самой первой группы русских в составе 20 томичей и 11 беглых красноярских казаков.

Таким образом, с самого начала выход отряда И. Ю. Москвитина на Охотское море *отнюдь был не самоцелью, а лишь способом достижения реки «Чирколы» со стороны моря.*

В мае 1639 г. казаки спустились на большом дощанике устькутской постройкой вниз по Алдану до устья Майи за 8 дней. Столь долгий переход по Алдану нас теперь не должен удивлять. Как сообщила мне географ школы в Кутане

Л. Д. Абрамова, расстояние от устья Янды до устья Майи — 265, а не 100 км, как считалось ранее. Да и Алдан тогда еще не был полностью свободен от льдов.

Уже при плавании вверх по Майе москвитинцы случайно узнали, что среди сопровождающих их «вожей» (проводников) эвенов и эвенков есть две женщины, ранее побывавшие в плену на юге у серебряной горы. Именно от них русские впервые узнали второе наименование реки «Чиркол» — «Омур», «Амур», которое благодаря москвитинцам впоследствии стало известным не только в России, но и во всем мире¹⁰. От других тунгусов москвитинцы узнали, что серебряная гора, находящаяся на Амуре «блиско моря», стояла в земле «натков» (или «анатрыков»), т. е. явно нижеамурских нанайцев.

Любопытно отметить, что 3 года спустя аналогичные известия о серебряной горе в земле «наттов» русские услышали от эвенов и в верховьях Яны и Индигирки, но там приходящие с юга эвены большую реку называли «Нерогой»¹¹. Еще в 1950 г. Н. Н. Степанов справедливо идентифицировал Нерогу с Амуром¹². Скорее всего, название «Нерога» (или «Нурга», «Нургу», «Нуруга» и др.) произошло от названия «Нургань», как в XV—XVII вв. назывался район нижнего Амура¹³.

По мнению Н. Н. Степанова, рассказ о серебряной горе был фантастичным¹⁴. На самом же деле речь несомненно шла о реальной нижеамурской горе Оджал, которую в старину называли «Серебряной»¹⁵. Наименование же «Оджал» произошло от тунгусского рода *оджал* (*одзял*, или, по-арсеньевски, *узала*)¹⁶.

Главной задачей похода И. Ю. Москвитина стал сбор сведений о нижеамурской серебряной горе Оджал. Для достижения этой цели они должны были сперва выйти на Охотское море, а затем с моря проникнуть на Нижний Амур.

В литературе весьма часто утверждают, что москвитинцы будто бы с р. Майи свернули на р. Юдому (в прошлом так поступали все, кто этим путем ходил на р. Охоту). Но, как удалось установить по архивным документам, юдомский путь с р. Майи стал известен русским лишь 10 лет спустя. А в 1639 г. «вожи» — эвены и эвенки — провели москвитинцев другим путем — не на правый приток Майи Юдому, а на левый — Нудыми («Нюдми»). Замечу, что историк И. Е. Фишер, бывавший на р. Майе еще в середине XVIII в., предупреждал читателей своей книги, чтобы они не путали Нудыми («Нюдми») с Юдомой¹⁷.

Для похода вверх по мелководной Нудыми пришлось построить две мелко сидящие «бударки» (байдарки). Их перенесли через Джугджур до речки «Волочанки», впадающей в р. Сикшу, и уже по ней смогли достичь р. Ульи, впадающей в Охотское море¹⁸. На «бударках» шли только до водопада на р. Улье, который обошли берегом, после чего для дальнейшего плавания построили большую «лодью». Этнограф В. А. Тураев, бывавший на нудымском перевале через Джугджур, отмечал: «Высота перевала здесь едва ли достигала ста метров, а пологие, удивительно ровные и гладкие подходы к нему как со стороны Нудыми, так и Ульи сводили на нет и эту высоту»¹⁹. Так выяснилось, что москвитинцы при переходе через хребет Джугджур особых трудностей не испытывали.

К сожалению, точная дата первого выхода русских на Тихий океан пока еще не установлена. Однако сопоставление различных исторических данных, и в первую очередь сведений о начале сбора ясака на Улье среди эвенов и эвенков, позволило выяснить, что москвитинцы смогли достичь берегов Охотского моря в августе 1639 г.²⁰

Вот уже более 10 лет в устье Ульи стоит памятник, посвященный этому важному событию в истории нашей родины. На памятнике — надпись: «Казаку Ивану Москвитину и его товарищам: Дорофею Трофимову, Ивану Бурлак, Прокопию Иконнику, Степану Варламову, Алферу Немчину, Ивану Онисимову, Тимофею Овдокимову, Ивану Ремез, Еремею Епифанову, Денисову „Пеньке“, Василию Иванову, Дружину Иванову, Семену Петрову — первым русским, вышедшим в 1639 году к берегам Тихого океана благодарные потомки»²¹. Данный

список был заимствован из моей публикации 1959 г.²² с необоснованным пропуском имен Афанасия Иванова и Нехорошего Иванова Колобова. Но с тех пор по документам удалось установить еще ряд имен участников похода. Это — Иван Иванов, Павел Иванов, «Пятуныка» Иванов, Никита Ермолаев, Сергей Кривилев, Кирилл Осипов, Даниил Федосов, Клим Олексеев, Потап Кондратьев и умерший Петр Саламатов²³. Следовательно, теперь из 31 участника исторического похода нам известны 25 имен.

Поход к морю проходил в нелегких условиях: «До Ламы идучи, кормились деревом, травой и кореньем», — отмечал Москвитин²⁴. Поэтому, как только на Улье москвитинцы узнали о существовании богатой рыбой р. Охоты, они решили совершить туда поход. Сам Москвитин на речной лодье повел на север 19 человек. Вышли в путь «из зимовья в Покров Богородицы», т. е. 1 (11) октября 1639 г. Дошли до Охоты через три дня, т. е. 4 (14) октября, и на следующий день оказались на Ураке²⁵. Здесь у местных «шелганов» (эвенский род)²⁶ взяли первых аманатов, которых увезли на Улью. Версия о том, что тогда москвитинцы будто бы доходили даже до р. Тауй, опровергается документально²⁷.

Видя «малолюдство» русских, эвены с Охоты и Урака решили, «взяв с собою 600 человек», идти на Улью, чтобы освободить своих «родников»²⁸. Уже в ноябре им удалось совершить свое первое нападение на москвитинцев. Огнестрельное оружие позволило его отбить. Второе нападение последовало весной — 3 (13) апреля 1640 г. Тогда пришли «горбиканской земли князец Ковыр, а с ним девятьсот человек»²⁹. На этот раз эвены выручили своих «родников». Но москвитинцам удалось захватить семь других аманатов. Среди них был тойон, который сообщил, что «от них направо в летнюю сторону на море по островам живут тынгусы ж, гиляки сидячие, а у них медведи кормленные»³⁰. Так русские впервые узнали о существовании оседлых нивхов-гиляков.

И возникает вопрос: о каких островах идет здесь речь? Некоторые историки утверждают, что о Шантарских островах. Но для этнографов очевидно: на Шантарах никогда не было оседлых («сидячих») нивхов³¹. Сюда нивхи заходили изредка — только на время зимней охоты и когда вели торговлю мехами со своими южными соседями. Однако в середине XVII в. из-за маньчжуро-китайской войны и войны с сахалинскими айнами такая торговля полностью была прекращена. В 1653 г. напротив Шантар на р. Тугуре был поставлен русский Тугурский острожек. Основатель его И. А. Нагиба справедливо указывал, что тогда острожек окружали только тугурские эвенки, а ближайшие селения «гиляков» (нивхов) находились не на Шантарах, а далеко на востоке. Исключение составлял лишь небольшой «выселок» на материке в заливе «Учалды» (губа р. Усалгин)³². Б. О. Долгих, бесспорно лучший советский знаток этнической истории Дальнего Востока XVII в., достоверно установил, что в середине XVII в. (как и в XIX—XX вв.)³³ крайне западным «рубежным» селением оседлых нивхов («сидячих гиляк») на Охотском побережье был «Коулинский улус», т. е. селение Коль (или Куль) в Сахалинском заливе³⁴. Эти данные не оставляют сомнений в том, что в середине XVII в. островами «сидячих гиляк» назывались острова, расположенные к югу от нивхского селения Коль, что подтверждается в какой-то степени картой Сибири Ибранта Идеса, выпущенной в Амстердаме в 1704 г. хорошим знатоком русских документов XVII в. Николасом Витсеном³⁵. На этой карте напротив Тугура изображены Шантарские острова и вдали от них — цепочка островов у самого устья Амура (на карте здесь — надпись «Populi giliaki» — «народы гиляки»). Несомненно, это москвитинские «острова Гилятцкой орды». Первый, самый малый остров «сидячих гиляк» — о. Лангр (Байдукова), а самый крупный — о. Сахалин. Все эти острова были хорошо известны охотским эвенкам, на своих батах часто совершавших плавание к устью Амура и на Сахалин. И неудивительно, что в этих местах, как показали исследования советских археологов (А. П. Окладникова, Р. С. Васильевского и др.), была единая охотская культура.

Таким образом, стало очевидным, что *самые ранние сведения о Сахалине*

и соседних малых островах, а также об их жителях — оседлых нивхах были получены русскими от охотских эвенов в устье Ульи еще весной 1640 г.

Поскольку острова «сидячих гиляк» (оседлых нивхов) были расположены на пути к устью Амура, москвитинцы и решились в свое южное плавание 1640 г. взять в качестве «вожей» эвенов-информаторов.

Более двух веков (до 1951 г.) историки считали, что москвитинцы далее р. Уды не плавали. Такое впечатление у них создалось благодаря использованию единственного тогда известного документа о походе москвитинцев — «Росписи рек, имяна людем»³⁶. Но в 1951—1952 гг. произошло неожиданное: дважды была опубликована (к сожалению, с неоправданными купюрами) интереснейшая «скаска» участника похода И. Ю. Москвитина — казака Нехорошего Иванова Колобова, записанная на Ленском волоке в начале 1646 г.³⁷ Ко всеобщему удивлению исследователей, в ней было сказано: «...до онатырков (т. е. амурских нанайцев) не доходили, а гиляков, которые живут по островам, тех проходили... а то де амурское устье они видели через кошку»³⁸.

Одни исследователи (А. И. Андреев, М. И. Белов, С. В. Обручев и др.) поверили в достоверность этого сообщения, другие начали возражать. Так, И. М. Забелин неосторожно заявил: «Это, разумеется, ошибка»³⁹.

Иную версию выдвинул Н. Н. Степанов. В 1958 г. он предположил, что в «скаске» Н. И. Колобова речь идет о плавании охотских эвенов, а не москвитинцев⁴⁰. Версию Н. Н. Степанова в 1971 г. поддержал Д. М. Лебедев⁴¹, который в 1958 г. признавал, что именно москвитинцы видели устье Амура «через кошку»⁴². В 1984 г. мысль Н. Н. Степанова [без ссылки на ее автора] подхватил сахалинский историк М. С. Высоков⁴³. Но ни Д. М. Лебедев, ни М. С. Высоков не знали, что еще в октябре 1959 г. на заседании Географического общества СССР Н. Н. Степанов публично отказался от своей версии. Почему же?

Дело в том, что в 1958 г. впервые в печати было сообщено о замечательной находке московского историка П. Т. Яковлевой — «распросных речах» И. Ю. Москвитина, записанных в Томске 28 сентября 1645 г.⁴⁴ При знакомстве с текстом этого ценнейшего документа стало очевидным, что до района устья Амура и до «островов Гилятцкой орды» ходили безусловно сами москвитинцы⁴⁵. Следовательно, рассказ Н. И. Колобова был вполне достоверным. Именно после публикации полного текста «распросных речей» И. Ю. Москвитина многие сомневающиеся изменили свое мнение. Так, 8 марта 1964 г. Б. О. Долгих писал автору этих строк: «Это прекрасный документ, и я теперь верю, что Москвитин доходил до устья Амура».

Но оставалось неясным, почему же существует явное противоречие между тремя итоговыми документами похода И. Ю. Москвитина: почему в «Росписи рек, имяна людем» ничего не говорится о плавании москвитинцев к району устья Амура и даже не упоминаются гиляки, а в двух других документах об этом рассказывается подробно?

Только недавно найдено простое объяснение этому. Оказалось, что во всем повинно острое соперничество между ленскими и якутскими казаками. Якутские власти очень холодно встретили прибывших в 1637 г. в Якутск незваных томичей. Они даже не хотели им выделять «тунгусского толмача». Его пришлось брать насильно⁴⁶. В Сибирский приказ были отправлены многочисленные жалобы якутских властей на томских казаков⁴⁷. А когда москвитинцы вернулись в Якутск, то только что прибывший туда первый якутский воевода П. П. Головин отобрал у них всю пушнину, собранную в ясак (11 или 12 сороков соборлей)⁴⁸ и потребовал от Москвитина представить «роспись всему его ходу»⁴⁹.

Поскольку москвитинцы рассчитывали еще раз вернуться в район устья Амура, то они в представленной ими в Якутске «росписи» явно сознательно умолчали и о гиляках, и об устье Амура, но упомянули о крайне трудном пути с Уды к «Чи» (Зее)⁵⁰. О том, что «Роспись рек, имяна людем» была сделана

в Якутске, свидетельствует ее вводная фраза: «Куда ходят на Ламу из Якутского острогу»⁵¹ (здесь и далее курсив в цитатах мой.— Б. П.)

А в Томске Москвитин уделил особое внимание именно морскому пути к устью Амура и предложил этим путем отправить около тысячи человек⁵².

Так стало понятным, почему И. Ю. Москвитин в июле 1641 г. в Якутске явно сознательно умолчал о морском пути к устью Амура, и о живущих там гиляках.

Естественно, возник вопрос: до какого конкретного места в районе устья Амура смогли пройти сами москвитинцы? Найти правильный ответ помогают три подробности, сообщенные самими москвитинцами. 1. Они дошли до такого места, где видели устье Амура через какую-то «кошку». 2. На подходе к этому месту им пришлось пройти мимо островов «сидячих гиляк», т. е. оседлых нивхов. 3. Они дошли на своих кочах на пути к устью Амура до места столь большого скопления гиляков-нивхов, что из-за своего «безлюдства» (или, точнее, «малолюдства») вынуждены были повернуть назад, отказавшись от намерения пройти в устье Амура к серебряной горе в земле «наттов», или «онатырков».

В прошлом я допускал, что под «кошкой» москвитинцы могли иметь в виду Петровскую косу и что они приняли северный вход в Амурский лиман за устье Амура. Однако *острова оседлых нивхов находились несомненно южнее Петровской косы*. Непреодолимой преградой для москвитинцев тогда могли стать скорее всего нивхи, находившиеся непосредственно в районе устья Амура. Как свидетельствовал И. А. Нагиба, именно там в середине XVII в. было особенно много нивхских лодок⁵³. Поэтому мне кажется, что москвитинцы, вероятнее всего, смогли побывать действительно у реального устья Амура, тем более что именно в этом районе в прошлом имелась «кошка». Д. Афанасьев, описывая в 1864 г. Николаевск-на-Амуре и характеризуя Константиновский полуостров в устье Амура и прилегающий к нему залив, писал: «Низ залива к востоку ограничивается намывной из дресвы (мелкий булыжник) косою, *по-местному — кошка*»⁵⁴.

Бесспорно, во время плавания к этому месту москвитинцы видели сахалинский берег. Геодезист И. Ф. Панфилов, неоднократно работавший в Сахалинском заливе, утверждает, что в ясную погоду уже на пути к Амурскому лиману видна гористая часть сахалинского полуострова Шмидта. Еще яснее виден сахалинский берег при входе в Амурский лиман. Наконец, при плавании по Амурскому лиману тоже вдали часто «миражит» о. Сахалин⁵⁵.

Допускаю, что москвитинцы даже сами могли высаживаться на берег Сахалина. За это говорит внимательный анализ следующего важного сообщения Н. И. Колобова: после того, как эвен (информатор) в устье Ульи сообщил москвитинцам о гиляках, живущих по островам, он же рассказал и о побоище, которое устроили «бородатые люди» гилякам якобы на устье Уды. Колобов утверждал, что сами москвитинцы «на том побоище, где гиляков те бородатые люди побили, были и суды их в чем они приходили, струги однодеревные жгли, да тут же нашли дно цининного сосуда»⁵⁶.

«Струги однодеревные» весьма типичны для айнов. Были у них и «цынинные сосуды» (фарфоровые или фаянсовые), и упоминавшиеся в том же сообщении Колобова «азямы» (халаты) и топорики. Все это не оставляет сомнения в том, что здесь шла речь о сахалинских айнах. Но скажем прямо, *на р. Уде таксе событие никак не могло произойти, так как ни нивхи, ни тем более южносахалинские «бородатые» айны до столь далекой реки не могли дойти*. Данные айнского и нивхского фольклора полностью подтверждают, что в XVII в. неоднократно велись айнско-нивхские войны, главным образом на территории Сахалина. Известно, что самое большое сражение произошло в XVII в. в сахалинском заливе Уанды, название которого в переводе и означает «битва»⁵⁷. Не исключено, что лицо, записавшее рассказ Колобова на Ленском волоке, могло принять название «Уанды» за «Уды».

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что именно москвитинцы были русскими первооткрывателями «островов Гилятцкой орды». Но весьма показа-

тельно, что в дальнейшем, в XVII в., название «*Гилятцкий остров*» закрепилось лишь за одним, самым большим островом «сидячих гиляк» — за *Сахалином*. Так, участники похода В. Д. Пояркова 9 ноября 1645 г. сообщали в Якутске: «...а от устья Амура до острова Гиляцково мерзнет лед, ставает вовсе»⁵⁸. И то, что русские называли нивхов «гиляками» (от «гилэко» охотских эвенов, а не от этнонимов «гилэми» или «цилими», употреблявшихся на Амуре), со всей очевидностью свидетельствует, что само название «Гилятцкой остров» явно возникло еще на Охотском побережье и своим появлением в лексиконе русских обязано москвитинцам. Поярковцам же оно стало известно потому, что в походе В. Д. Пояркова принял участие (как выяснилось только в 1977 г.!) толмач И. Ю. Москвитина Семен Петров Чистой⁵⁹. Сведения москвитинцев о Сахалине, большом острове, населенном гиляками, дошли и до участника посольства Н. Г. Спафария (1675—1678 гг.). В его характеристике Сахалина есть сведения о гиляках, которые «медведей кормленных держат»⁶⁰; несомненно, они исходили от москвитинцев. Очень характерно и другое сообщение Н. Г. Спафария: «А когда казаки были на устье Амура, гиляки, народ, который живет на море, сказали казакам, что от устья Амура по берегу морскому можно ехать в *седьмой день* в каменный город... А казаки для малолюдства не смели ехать»⁶¹. Это известие тоже явно исходит от москвитинцев: ведь когда они действительно «были на устье Амура», то слышали от одного тунгуса (но не гиляка!), что от устья Амура на *седьмой день* можно доехать до серебряной горы и находящейся около нее крепости⁶². И как мы уже знаем, сами москвитинцы не решились туда ехать из-за своего «безлюдства».

От Н. Г. Спафария первое русское название Сахалина — «Гилятцкий остров» дошло до голландского ученого Н. Витсена, назвавшего его в одном случае «островом Гилят (Giliat)»⁶³. «Гилят» — это родительный падеж от этнонима гиляки, впервые введенного в оборот москвитинцами.

Все эти факты лишний раз подтверждают правильность вывода, что именно москвитинцы были русскими первооткрывателями Сахалина. И это открытие было сделано за три года до голландца М. Г. де-Фриса, побывавшего в 1643 г. в сахалинских заливах Анива и Терпения и принявшего Сахалин за северную оконечность о. Иедзо (Хоккайдо)⁶⁴.

Отметим, что желание москвитинцев прийти в район устья Амура и к «островам Гилятцкой орды», а затем оттуда дойти до нижнеамурской серебряной горы, еще более окрепло во время обратного плавания 1640 г. по Охотскому морю.

Где-то около р. Тугур москвитинцам удалось захватить какого-то эвенка, от которого толмач Семен Петров Чистой смог собрать новые, весьма богатые сведения о Приуралье и Сахалине. По словам Ивана Москвитина, этот эвенк утверждал, что в устье Амура «живут сиделья люди деревнями, в трех деревнях триста человек, а имя им натки, а хоромы у них, сказывает, избы и дворы, как у русских людей, а хлеб к ним привозят сверху Омуром рекою, а крепости у них около тех деревень никакой нет, а бой лушной да копеейной, а железа на них куяки и пансыри, а делают те куяки и пансыри сами»⁶⁵.

Очевидно здесь смешались воедино реальные сведения об амурских гиляках-нивхах и нанайцах («имя им натки»). Далее тот же эвенк подтвердил, что в Приамурье есть серебряная гора, которую охраняют «караульщики... с луками да с копыями»⁶⁶.

Тогда же, по словам Н. И. Колобова, москвитинцы получили от тунгусов новые сведения и о «бородатых людях»: «А сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей недалече»⁶⁷. Вне всякого сомнения, это сообщение могло относиться *только* к южносахалинским бородатым айнам, *живущим на берегу моря*.

Примечательно, что четверть века спустя именно в районе Тугура, русские услышали от местных эвенков рассказ о «кувах», а не о тех сахалинских аймах⁶⁸. Весьма показательно и то, что в далеком прошлом на юго-западе

Охотского побережья Сахалин был известен и под названием явно айнского происхождения — «Янкур»⁶⁹, что в переводе с айнского означает «дальний народ» (в словаре Бэчелера: «ya-un-gugu»⁷⁰). Наконец, тот же, захваченный у р. Тугур эвенк еще раз подтвердил москвитинцам, что во время своего плавания в районе устья Амура они видели «острова Гилятцкой орды». Иван Москвитин сообщал: «И тот тунгус им говорил, что были де они тут, где гилятцкая орда, от коих островов воротилась»⁷¹. Уже по этой фразе видно, что под «островами Гилятцкой орды» подразумевались острова, находившиеся где-то на востоке от Тугура, недалеко от устья Амура.

Очевидно, при обратном плавании москвитинцы вторично прошли мимо Шантарских островов, об открытии которых не стали сообщать, так как они не были заселены.

Возвращаясь назад, москвитинцы зазимовали в устье Алдомы. Там они получили от одного эвенка «три круга серебряных, а носят их на платьях набив»⁷². Естественно, Москвитин стал расспрашивать, откуда они вывезены. «И тот тунгус сказал, что то серебро той горы, где плавают плавильщики»⁷³ и добавил, что в этот район «ходят де с моря в Омур реку торговые суды, а которово государства и с какими товарами, того тот тунгус не ведает»⁷⁴.

Считая все эти сведения весьма важными, Москвитин решил после зимовки на Улью не возвращаться, а спешно идти уже весной вверх по Алдоме на перевал через Джугджур. Оттуда он вышел к верховьям Северного Уя, по которому спустился на р. Майю. С устья Майи, где к тому времени возникло новое русское зимовье, он, не заходя в Бутальский остров, прямо пошел в Якутск, куда и прибыл в 20-х числах июля 1641 г.⁷⁵ Тогда-то Якутский воевода П. П. Головин и отобрал у москвитинцев всю собранную ими «соболиную казну» и оставил часть вернувшихся казаков у себя на службе. Так, томичи Иван Онисимов, Алфер Немчин и Дорофей Трофимов были отправлены в Жиганы для дальнейшего следования с Максимом Телициным в Арктику⁷⁶. Сам же Иван Москвитин с небольшой группой томичей отправился из Якутска в Томск. Уже 6 августа 1641 г. группа участников похода Москвитина прошла через таможду Ленского волока.

Таким образом, используя *новые* архивные документы и данные этнографии, удалось весьма существенно уточнить подлинную историю похода И. Ю. Москвитина, которая с 1970 г. и вплоть до наших дней (1990 г.) искажается в различных сочинениях А. И. Алексева. Чтобы такой упрек не был воспринят как голословный, напомним краткую историю весьма вольных рассказов А. И. Алексева о походе И. Ю. Москвитина, начиная с его магаданской книги «Отважные сыны России».

Уже тогда, в 1970 г., А. И. Алексеев так описывал поход Москвитина: «Через горы и дремучие леса, по рекам и озерам вышел на Охотское море в 1639 году Иван Юрьев Москвитин с группой томских казаков. Путь Москвитина лежал по рекам Алдану, Мае и Юдоме, затем через высокий прибрежный хребет Джугджур и оттуда по реке Улье вниз к морю. Основав в устье этой реки новое зимовье, Москвитин и его товарищи в том же году совершили походы и плавания вдоль берегов Охотского моря как к северу — до Тауйской губы, так и к югу — до реки Уды, а по некоторым сведениям и южнее.

Здесь спутникам Москвитина местные жители — нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки и другие — рассказали о большой реке, на которой живут богатые люди. Живут эти люди оседло, держат скот, пашут землю, меняют хлеб на соборлей, имеют много золота, серебра, дорогих тканей. Называют этих людей даурами»⁷⁷.

После всего нами изложенного нетрудно убедиться, как много ошибок оказалось в этих двух абзацах. Мы уже знаем, что Москвитин не ходил по Юдоме и не плывал «до Тауйской губы». В походе участвовали не одни томские казаки, но и беглые красноярские, которые составили более трети участников похода. Добавлю: ни по каким озерам москвитинцы не ходили вообще, а Джугджур

в месте их перехода не был высоким. Южнее устья Уды москвитинцы не ходили, а ходили на восток. И было это уже не в 1639 г., а летом 1640 года.

«Нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки» ничего москвитинцам не рассказывали, так как они вообще с ними не беседовали. Войти в контакт с нивхами москвитинцы просто побоялись, а остальные упомянутые А. И. Алексеевым народы никак не могли встретиться с москвитинцами, поскольку на Охотском побережье никогда не жили. К тому же Алексеев явно не знал, что «дучерами» (дючерами) называли и гольдов, и наток⁷⁸, и поэтому «дучеров» никак нельзя отнести к особому народу, — все эти три этнонима относились к предкам современных нанайцев. Что касается упомянутых Алексеевым ульчей, то получение сведений о них москвитинцами явилось бы поистине научной сенсацией, так как в сообщениях и москвитинцев, и пояркоцев пока не удалось обнаружить каких-либо сведений, относящихся к ульчам. Кое-кто полагает, что ульчи сформировались как особая народность лишь в конце XVII в., когда в обезлюдевший из-за военных действий в середине XVII в. район на Амуре, неподалеку от устья Амгуни, переселились ушедшие с Охотского побережья тунгусские группы, быстро сблизившиеся с нивхами и частично с нанайцами. Что касается дауров, то об их существовании москвитинцам было известно еще на Алдане. А вот о главных информаторах москвитинцев — эвенах и эвенках — Алексеев вообще не упомянул.

И вот при столь странном представлении о походе И. Ю. Москвитина А. И. Алексеев в 1971 г. решил выступить в Южно-Сахалинске на исторических чтениях с утверждением, что москвитинский казак Н. И. Колобов вообще не был у устья Амура и у берегов Сахалина и будто бы у москвитинцев никаких 17-метровых кочей не было.

Нетрудно понять, как возникло это ошибочное утверждение Алексеева. Во-первых, он был явно в плену старых представлений о том, что москвитинцы доходили только до р. Уды. Во-вторых, он не знал о произвольных купюрах в публикации «скаски» Н. И. Колобова в 1951 и 1952 гг., из-за чего из текста документа выпала очень важная фраза о том, что во время нападения эвенов в апреле 1640 г. «в те поры в острожке были не все, только половина, а другая половина, пятнатцать человек *делали два коча*». Впервые эта фраза была восстановлена Н. Н. Степановым в 1958 г.⁷⁹ Не знал А. И. Алексеев и о моей публикации в Томске «распросных речей» И. Ю. Москвитина, где достаточно ясно сказано: «А на весну пошли на море на святой неделе, а суда *делали зимой по осьми сажень*. А морем шли с жожами подле берег к гиялцкой орде к островам»⁸⁰. Восемь сажень — около 17 метров. Очевидно, что на столь больших кочах можно было действительно совершить достаточно далекое плавание.

Неудивительно, что никто из серьезных исследователей это выступление А. И. Алексеева не поддержал.

Тем не менее он продолжал упорствовать. В 1973 г. в Южно-Сахалинске вышла его статья о сахалинском агрономе М. С. Мицуле, которая начиналась со следующего абзаца: «История открытия, исследования изучения и в конечном счете освоения русскими людьми края земли и дальневосточной жемчужины — Сахалина начинается с XVII в. с посещения Сахалина участниками похода В. Д. Пояркова (1644—1645 гг.), участниками плавания И. А. Нагибы во времена Е. П. Хабарова и О. Степанова»⁸¹.

Абзац этот также по-своему характерен. В нем опять искажается истина. Во-первых, умышленно замалчивается роль москвитинцев в истории открытия Сахалина. Во-вторых, совершенно произвольно объявляется о посещении Сахалина В. Д. Поярковым и И. А. Нагибой.

Еще в 1955 г., изучая подлинные «распросные речи» первых пояркоцев, вернувшихся в Якутск, я обнаружил на обороте одного листа следующую запись, сделанную 9 ноября 1645 г.: «...гиялки сказывали: есть де на усть Амуре реки в губе остров, а на том же острову дватцать четыре улуса, а живут де те гиялки ж, а в улусе де юрт есть по сту и по пятидесяти...»⁸². Вполне очевидно, что здесь идет речь о Сахалине. Если бы пояркоцы сами побывали на Сахалине, им не потребовалось бы ссылаться на сведения амурских гиялков (нивхов).

Из текста того же документа ясно, что зимой поярковцы не делали попытки добраться до Сахалина, а весной им уже было не до Сахалина, да у них и не было соответствующих судов для такого плавания. Для похода вдоль берега к р. Улье они приспособили свои речные дощаники — нашили на них «нашвы» (дополнительные борты). А на таких ненадежных судах они могли плавать только вдоль берега. Они так и говорили: «А с усть Амура реки шли морем до Ульи реки двенадцать недель. Потому де долго шли что де всякую губу обходили. А на прямь де будет с усть Амура до Ульи реки парусным погодием дней с десять»⁸³. Последний же важный вывод поярковцы сделали из опыта москвитинцев, плававших по Охотскому морю на морских кочах. Таким образом, вопреки утверждениям А. И. Алексеева, самим поярковцам, к сожалению, так и не удалось посетить Сахалин.

Ошибочно утверждение Алексеева и в отношении группы И. А. Нагибы. Сам Нагиба сообщал: «... а на усть де Амура реки стоят гиялтские улусы юрт по 200 и больше, а из губы де с камени и за губою видят острова и на тех островах видят многие юрты, только *Ивашко с товарищами на тех островах сами не бывали*»⁸⁴. Сказано достаточно четко!

Продолжая весьма упорно изыскивать новые аргументы в пользу своей точки зрения, Алексеев и в последующие годы пытался доказать, что москвитинцы в 1640 г. будто бы не располагали достаточным временем, чтобы успеть дойти до устья Амура.

Ради этого он стал утверждать, что москвитинцы в 1640 г. плавали на север к р. Охоте⁸⁵. Как мы уже показали, такое плавание на самом деле было совершено еще в *октябре 1639 г.* Далее Алексеев сообщил, что москвитинцы в 1640 г. успели построить на р. Уде Удский острог⁸⁶. Но документы ясно показывают, что никакого Удского острога москвитинцы не создавали. Впервые Удский острожек был поставлен почти 40 лет спустя — не ранее 1679 г.⁸⁷

Но, пожалуй, наиболее произвольно изложил А. И. Алексеев историю похода И. Ю. Москвитина в книге «Береговая черта», изданной в Магадане в 1987 г. Уже на первых страницах этой книги Алексеев пытается доказать, что русские еще задолго до похода Москвитина имели некоторую представление о районе отечественного Дальнего Востока и его «береговой черте». Он пишет: «Важно, что русским людям *еще до похода И. Ю. Москвитина*, не говоря уже о походах В. Д. Пояркова и Я. П. Хабарова, а также плаваниях С. Дежнева и Ф. Алексева, речная сеть Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также общие контуры береговой черты север-востока Азии были настолько известны, что эти сведения даже проникли в печать»⁸⁸.

Но никаких «домосквитинских» сведений «в печати» XVII в. никогда не было. Алексеев просто вводит читателя в заблуждение. Он цитирует «Книгу Большому чертежу», в которой сказано: «От Лены и по реке Олекмы до Тугирского острогу 7 недель, а от Тугирского через волок по Урке реке вниз до Асмугу реки и до Даурского Лапкаева города 10 дней, а с усть реки Шингалу вниз проход в Никанское царство». Комментируя этот текст, Алексеев принял «Шингал» за Амур, хотя очевидно, что речь идет о р. Сунгари. Не понял он и того, что «Асмуг» — это искаженное «Амур». Упустив из вида, что русский Тугирский острог был основан только во второй половине 40-х годов XVII в., Алексеев объявил, что все это было написано еще... в 1627 г.! Но каждый серьезный исследователь без труда может убедиться, что цитированный абзац заимствован из дополнения к «Книге Большому чертежу», написанного *только в 1673 г.*⁸⁹ И можно совершенно твердо сказать, что *первые представления о береговой черте Дальнего Востока были получены лишь в результате похода И. Ю. Москвитина.*

Причины организации самого похода И. Ю. Москвитина в книге А. И. Алексева 1987 г. подаются также совершенно произвольно. Алексеев утверждает, что Москвитин был послан с Алдана «для отыскания Ламы-реки, которая представлялась текущей параллельно Лене и впадающей в море к востоку от нее... Мыслилось, что, добравшись до Ламы-реки (считалось, что истоки ее на китайской территории), можно, поднявшись по ней, дойти и до Китая»⁹⁰.

Но мы уже знаем, что эта версия ничего общего с действительностью не

имеет. Ни о какой р. Ламе, будто бы текущей параллельно Лене, ни Москвитин, ни его начальник Копылов никогда не писали. Никогда в их планы не входило проникновение в Китай. Это явно импровизация самого А. И. Алексеева. Если у них возник интерес к «Ламе», то только к «*морю-окияну*» — к Охотскому морю.

В книге 1987 г. Алексеев решил еще раз подвергнуть критике мои взгляды. На этот раз он начал с заявления, что в москвитинских документах будто бы нет никаких сведений о сахалинских айнах⁹¹. Известия о «бородатых даурах», до которых «морем не далече», уверял он, никакого отношения к айнам не имеют. Но Алексеев упускает из вида следующее: еще в 1958 г. Н. Н. Степанов совершенно справедливо писал, что в сообщении казака Н. И. Колобова о «бородатых даурах» были «слиты воедино рассказы тунгусов о даурах и айнах», ибо настоящих дауров никак нельзя было называть «бородатыми», так как монголоиды дауры «не отличались развитым волосяным покровом»⁹². Да и сведения о них были частично получены в том районе, где сахалинских айнов знали и называли «кувами». Дауры же никогда не жили на морском побережье и не были морскими охотниками-рыболовами.

В работе 1987 г. А. И. Алексеев впервые признал, что москвитинцы могли за «кошку» принять Петровскую косу на подступах к северному входу в Амурский лиман. Тем самым он вынужден был принять мое прежнее основное положение, что *москвитинцы в 1640 г. смогли побывать в районе устья Амура*. Но если за устье Амура был принят северный вход в Амурский лиман, то это означает, что москвитинцы видели не только материковый берег, *но и берег Сахалина*. Однако признать подобное Алексеев не хочет: ведь тогда станет очевидной несостоятельность его попыток доказать, что москвитинцы не были первооткрывателями Сахалина. Оказавшись в столь щекотливом положении, Алексеев пошел на новую уловку: он объявил, что москвитинцы спокойный залив Счастья приняли ... за устье Амура!⁹³

Столь же рьяно Алексеев пытается доказать, что в районе устья Амура в XVII в. не было никакой «кошки» и что «заметить... и определить» устье Амура «было тогда просто невозможно!»⁹⁴ Сообщение же Афанасьева о том, что в прошлом именно в устье Амура «была коса из дресвы... по-местному „кошка“», он просто игнорирует.

Весьма курьезна попытка А. И. Алексеева переселить «онатырков» на Охотское море. Казак Колобов справедливо указывал, что на Амуре *ниже* дауров жили «анатарки сидячие, недоход до усть Муры». Поскольку москвитинцам не удалось войти с моря в устье Амура, Колобов отметил, что «тех онатырков не доходили». Алексеев же в эти вполне ясные сообщения попытался вложить иной смысл. Он пишет: «...если понимать под „усть Муры“ устье Амура, выходит, что эти люди жили недалеко от гиляков на побережье Сахалинского залива на его материковой части».⁹⁵ Но там никогда нанайцы не жили, а только «гиляки» (нивхи). Эта фантазия ему потребовалась, чтобы сразу выдвинуть две новые «гипотезы». «А почему бы не предположить,— пишет А. И. Алексеев,— что в приведенном рассказе несколько сдвинуто место действий и не принять анатарков (анатарок или онатырок сидячих) за жителей долины реки Нантары (Нантары или Лантары), впадающей в Охотское море южнее залива Аян — как раз на пути москвитинцев? Вполне вероятно, что так оно и есть. А почему бы не предположить, что Шантарские острова (Шантары) имеют отношение к названию анатырков.»⁹⁶ Конечно, все можно предположить. Но имеют ли подобные гипотезы что-либо общее с наукой?

Меня спрашивают: почему я только теперь критикую А. И. Алексеева? В публичных своих выступлениях, начиная с 1971 г., я уже неоднократно критиковал многие произвольные суждения А. И. Алексеева. Но в печати мои статьи пропущены до сих пор не были: мне заявляли, что подобная критика «может подорвать авторитет *дипломированного* автора». Подобное «непротивление злу» привело лишь к негативным результатам. В октябре 1989 г. на конференции в Южно-Сахалинске был зачитан доклад А. И. Алексеева, в котором он опять повторял свои старые домыслы и даже попытался их «развить». Так, он смело утверждал, что «Ламское море» получило свое название от «*реки Ламы*» (явно не ведая, что слово «лама» означает «море»!) и что нивхи будто бы жили... «от

Уды до залива Счастья». Столь же уверенно он причислил к своим единомышленникам покойных Е. П. Орлову и М. И. Белова. Алексеев писал, что они приняли «сначала за правду „скаску“ Н. И. Колобова», а затем якобы упомянули, что «согласно новейшим исследованиям Москвитин дошел до реки Уды». Но Орлова в печати вообще никогда не касалась этого вопроса, а М. И. Белов писал прямо противоположное: «Свидетельство Колобова о том, что вместе с Москвитиним они были вблизи устья Амура и даже видели его из-за прибрежной полосы (кошки), существенно дополняют наши сведения об этом историческом походе». И тут же Белов упрекнул «новейшего исследователя» Н. Н. Степанова за то, что в 1943 г. тот ошибочно утверждал: «Москвитин дошел лишь до устья Уды».⁹⁷ Не очевидно ли, что подобная манипуляция в истолковании ясного текста в науке совершенно недопустима. Вот почему и возникла необходимость показать в данной статье несостоятельность многих произвольных утверждений А. И. Алексеева. Восстанавливая историческую правду о походе И. Ю. Москвитина, я в то же время стремился показать, насколько полезны данные этнографии для историков географических открытий. Не сомневаюсь, что при разумном их использовании они помогут исследователям решить и другие вопросы, волнующие историков.

Примечания

¹ Центральный гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА). Сибирский приказ (далее — СП). Стб. 261. Л. 62.

² В. А. Туголуков ошибочно считал, что русские впервые встретились с эвенками в верховьях Индигирки (см.: *Вопр. истории*. 1971. № 3. С. 214).

³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии (далее — ОРЗПМ). М., 1951. С. 139.

⁴ ЦГАДА. СП. Стб. 368. Л. 183—184.

⁵ Там же. См. также: Стб. 261. Л. 62.

⁶ *Полевой Б. П.* Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 г.) // *Тр. Томск. обл. краевед. музея*. Т. VI. Вып. 2. (1963). С. 27.

⁷ *Шренк Л.* Об иногородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. С. 150.

⁸ *Полевой Б. П.* Указ. раб. С. 30—31.

⁹ Распространено мнение, что еще в 20-х годах XVII в. Амур стал известен русским под названием «Каратал». Но это ошибка: «Караталом» тогда назывался Тэлгир-Мурэнь — приток р. Селенги. Максим Перфильев же первые сведения об Амуре («Шилке») собрал на Витиме лишь летом 1639 г.

¹⁰ Подробнее см.: *Полевой Б. П.* Амур — «слово московское». Древнейшие русские известия о великой реке // *Амур — река подвигов*. 2-е изд. Хабаровск, 1971. С. 178—192.

¹¹ Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. С. 262.

¹² *Степанов Н. Н.* Первые сведения об Амуре и гольдах // *Сов. этнография*. 1950. № 1. С. 178—182.

¹³ *Попов П.* О Търском памятнике // *Зап. Вост. отд. археографического о-ва*. 1906. С. 15—17; *Shiratori K.* The Santan in Totatsukiko (Travels in East Tartary) // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library, Tokio)*. 1951. № 13. P. 30—31.

¹⁴ *Степанов Н. Н.* Указ. раб. С. 179.

¹⁵ См.: *Сов. археология*. 1960. № 3. С. 331; *Эдельштейн Я. С.* Коренное месторождение золота и серебра в горе Серебряная на р. Амуре (близ с. Малмыж) // *Золотопробышленность и горное дело вообще*. Томск, 1905. Т. XIV. № 8. С. 264—265.

¹⁶ *Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVII — начало XX в.). М., 1969. С. 286—287.

¹⁷ *Фишер И. Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 379.

¹⁸ ОРЗПМ. С. 139. Сведения о р. «Сикше» (Секчи) см.: ЦГАДА. Якутская приказная изба (далее ЯПИ). Оп. 1. Стб. 48. Л. 82; Стб. 102. Л. 15.

¹⁹ *Тураев В.* Хождене встреч солнца // *Дальневосточные путешествия и приключения*. Вып. 5. Хабаровск, 1974. С. 362—363.

²⁰ Подробнее см.: *Полевой Б. П.* Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // *Страны и народы Востока* (далее — СНВ). Вып. XX (1979). С. 93—96.

²¹ См. фотографию в журн. «Вокруг света». 1983. № 10. С. 52.

²² *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959. С. 21.

²³ ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1641. Стб. 39. Л. 1—2; Оп. 4. Кн. 25. Л. 68—72.

²⁴ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // *Изв. Всесоюз. геогр. о-ва* (далее — *Изв. ВГО*). 1958. № 5. С. 44. Иван Бурлак добавлял: «... всякую поганую гадину ел» (ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1650. Стб. 55. Л. 101).

²⁵ *Полевой Б. П.* Новый документ. С. 28.

- ²⁶ Подробнее см.: *Василевич Г. М.* Указ. раб. С. 285.
- ²⁷ «Тоуе» москвитинцы сообщали лишь со слов эвенгов. См.: *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 441.
- ²⁸ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 28.
- ²⁹ Там же. С. 29.
- ³⁰ ОРЗПМ. С. 140.
- ³¹ *Манизер Г.* Антропологические данные о гиляках // Ежегодник русского антропологического общества при Петроградском университете. 1916. Т. VI. С. 3.
- ³² Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее — ЛО ААН СССР) Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 23.
- ³³ *Манизер Г.* Указ. раб. С. 3.
- ³⁴ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LV. М., 1960. С. 600—601.
- ³⁵ *Bagrow L.* A History of Russian Gartography up to 1800. Wolfe Island (Canada, Ont). 1975. P. 75.
- ³⁶ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 440—441.
- ³⁷ ОРЗПМ. С. 139—141; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.: М., 1952. С. 50—55.
- ³⁸ ОРЗПМ. С. 140.
- ³⁹ *Забелин И. М.* Встречи, которых не было. 2-е изд. М., 1966. С. 36.
- ⁴⁰ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 448—449.
- ⁴¹ *Лебедев Д. М., Исаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 г. М., 1971. С. 106.
- ⁴² *Лебедев Д. М.* Землепроходцы на берегах Тихого океана // Земля и люди. Географический календарь на 1959 г. М., 1958. С. 239.
- ⁴³ *Высоков М. С.* Советская историография открытия и исследования Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1984. С. 8—9.
- ⁴⁴ *Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 17—20; *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 21—37.
- ⁴⁵ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁴⁶ В одном из документов Якутского острога сказано: «... из Ленского острожку толмача он Дмитрий (Копылов), Семейку взял сильно и ныне он, Семейка (Петров Чистой), у него, Дмитрия в толмачах». См.: Архив Ленингр. отд. Ин-та истории СССР. АН СССР. Якутские акты. Картон 1. Стб. 1. Л. 996.
- ⁴⁷ *Забелин И. М.* Указ. раб. С. 26—27; ДАИ. Т. 2. С. 232—233.
- ⁴⁸ ОРЗПМ. С. 141; *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 28.
- ⁴⁹ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 30.
- ⁵⁰ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 440; подробнее см.: *Полевой Б. П.* К истории первого выхода русских на Тихий океан. Новое о «Росписи рек» И. Ю. Москвитина // Изв. ВГО. 1988. № 3. С. 274—278.
- ⁵¹ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 441.
- ⁵² *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 35.
- ⁵³ ЛО ААН СССР. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 22.
- ⁵⁴ *Афанасьев Д.* Николаевск-на-Амуре // Морской сборник. 1864. № 12. Неоф. отд. С. 91.
- ⁵⁵ *Сапожникова Г.* В Лимане Амуре // Приамурская жизнь. 23 февраля 1917 г. Беглый Гурий Васильев в 1826 г. сообщал: «В продолжении плавания по губе Амуре большой остров всегда виден был в 60 верстах от материка на восток». (См.: *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. II. СПб., 1863. С. 43).
- ⁵⁶ ОРЗПМ. С. 140; *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 447.
- ⁵⁷ *Браславец Ю. М.* История в названиях на карте Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983. С. 113.
- ⁵⁸ *Полевой Б. П.* Забытые сведения... С. 548.
- ⁵⁹ *Полевой Б. П.* К истории первого выхода русских на Тихий океан. С. 277.
- ⁶⁰ *Титов А. А.* Сибирь в XVII в. М., 1890. С. 110—111; *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина. С. 35.
- ⁶¹ *Арсеньев Ю. В.* О происхождении Сказания о великой реке Амуре // Изв. РГО. 1882. № 4. С. 252.
- ⁶² *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁶³ *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1962. Blz. 36.
- ⁶⁴ *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина... С. 20.
- ⁶⁵ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ ОРЗПМ. С. 140.
- ⁶⁸ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Сб. арх. док. Л., 1936. С. 148.
- ⁶⁹ *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. С. 102.
- ⁷⁰ *Batchelor J.* An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1926. P. 552.
- ⁷¹ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁷² Там же. С. 30.
- ⁷³ Там же.

- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 32.
- ⁷⁶ Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.) // Изв. ВГО. 1960. № 1. С. 50.
- ⁷⁷ Алексеев А. И. Отважные сыны России, Магадан, 1970. С. 15.
- ⁷⁸ Полевой Б. П. Дючерская проблема (По данным русских документов XVII в.) // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 47—59.
- ⁷⁹ Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция... С. 447.
- ⁸⁰ Полевой Б. П. Новый документ... С. 29.
- ⁸¹ Алексеев А. И. О зарождении сельского хозяйства на Сахалине // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 218.
- ⁸² Полевой Б. П. Забытые сведения... С. 550—551.
- ⁸³ Там же. С. 551.
- ⁸⁴ ЛО ААН СССР. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 22.
- ⁸⁵ См. Вступительную статью к сб.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 8.
- ⁸⁶ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М., 1982. С. 36.
- ⁸⁷ Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 122.
- ⁸⁸ Алексеев А. И. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 19.
- ⁸⁹ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 188.
- ⁹⁰ Алексеев А. И. Береговая черта. С. 21.
- ⁹¹ Там же. С. 22.
- ⁹² Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция... С. 450.
- ⁹³ Алексеев А. И. Береговая черта. С. 24.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 23.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. / Сост. Белов М. И. Л.; М., 1952. С. 54 (именно на этот текст и ссылался А. И. Алексеев).

© 1991 г., СЭ, № 3

Ю. М. Кобищанов

ПОЛЮДЬЕ В ОКЕАНИИ

Древнерусское слово «полюдь» обозначает характерный для раннефеодального общества и государства обход территории государства (вассальных владений либо отдельных общин) его правителем (или наследником престола) в сопровождении двора и дружины.

Полюдь — характерный пример многофункционального социального комплекса¹, исследованный нами на материале более чем 150 обществ разных регионов мира².

Более половины таких обществ (от Египта эпохи первых династий до Марокко начала XX в.) были письменными. Главным источником наших знаний о комплексах типа полюдья в таких случаях служат надписи, летописи, законодательные акты, жития святых, а также описания путешествий и пр. Но в